

УДК 82-94: 902/904:929

DOI: 10.31862/1819-463X-2025-6-20-29

ББК 84стд1-442.3:63.4г(4Гем)53д.Шлиман Г.

5.9.2. Литературы народов мира

**ГЕНРИХ ШЛИМАН, «ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ТРОИ»,
В ЗЕРКАЛЕ ЗАРУБЕЖНОЙ И РУССКОЙ ПРОЗЫ
(И. Стоун «Греческое сокровище», П. Акройд «Падение Трои»,
Е. Водолазкин «Чагин»)**

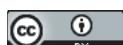
М. И. Никола, А. И. Кузнецова

Аннотация. В статье на примере фигуры Генриха Шлимана, известного археолога-самоучки, «первооткрывателя Трои», прослеживается воссоздание образа этой исторической личности в зеркале трех романов: И. Стоун «Греческое сокровище», П. Акройд «Падение Трои», Е. Водолазкин «Чагин». Упомянутые романы принадлежат и разным национальным литературам: американской, английской и русской, и разным жанровым вариантам романа: документальному биографическому роману, жанру «альтернативной биографии», роману с полижанровой структурой, включающей биографические фрагменты (дневник, письма и др.). Как показано в статье, данное обстоятельство находит отражение в интерпретации и художественном воплощении образа Генриха Шлимана, его функции в общем замысле автора. В совокупности все три романа выступают свидетельством сохранения неослабевающего внимания к сложной и неординарной личности ученого.

Ключевые слова: Генрих Шлиман, разновидности биографического жанра, проблемы биографизма в литературе.

Для цитирования: Никола М. И., Кузнецова А. И. Генрих Шлиман, «первооткрыватель Трои», в зеркале зарубежной и русской прозы (И. Стоун «Греческое сокровище», П. Акройд «Падение Трои», Е. Водолазкин «Чагин») // Наука и школа. 2025. № 6. С. 20–29.
DOI: 10.31862/1819-463X-2025-6-20-29.

© Никола М. И., Кузнецова А. И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

HEINRICH SCHLEIMANN, THE "DISCOVERER OF TROY", IN THE MIRROR OF FOREIGN AND RUSSIAN PROSE

(I. Stone "The Greek Treasure", P. Ackroyd "The Fall of Troy", E. Vodolazkin "Chagin")

M. I. Nikola, A. I. Kuznetsova

Abstract. The article uses the example of the figure of Heinrich Schliemann, a famous self-taught archaeologist, the “discoverer of Troy”, to trace the recreation of the image of this historic figure in the mirror of three novels: I. Stone’s “The Greek Treasure”, P. Ackroyd’s “The Fall of Troy”, and E. Vodolazkin’s “Chagin”. The novels mentioned belong to different national literatures, American, English and Russian, and to different genre variants of the novel: documentary biographical novel, “alternative biography”, a novel with a multi-genre structure, including biographical fragments (diary, letters, etc.). As shown in the article, this circumstance is reflected in the interpretation and artistic representation of the image of Heinrich Schliemann, its function in the general concept of the author. Taken together, all three novels serve as evidence of the continued attention to the complex and extraordinary personality of the scholar.

Keywords: Heinrich Schliemann, varieties of the biographical genre, problems of biographism in literature.

Cite as: Nikola M. I., Kuznetsova A. I. Heinrich Schliemann, the “Discoverer of Troy”, in the Mirror of Foreign and Russian Prose (I. Stone “The Greek Treasure”, P. Ackroyd “The Fall of Troy”, E. Vodolazkin “Chagin”). *Nauka i shkola*. 2025, No. 6, pp. 20–29.
DOI: 10.31862/1819-463X-2025-6-20-29.

В2022 г. культурный мир отмечал 200-летие со дня рождения Генриха Шлимана, известного археолога, за которым остался статус «первооткрывателя Трои», личности яркой, неординарной, вокруг которой при жизни велось немало споров, которые не утихли до настоящего времени. Но в связи с юбилейной датой научный мир археологов со всей определенностью подтвердил вклад Шлимана в развитие полевой археологии и значимость сделанных им находок, часть которых, как известно, хранится в Московском Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Сам Шлиман – автор порядка 10 книг о своих научных изысканиях, таких как «Микены», «Илион», «Тиринф» и др., а также автобиографической книги «Золото Трои. Автобиография» [1]. О самом Шлимане создано немало книг в жанре нон-фикшн (Г. Штолль [2], Ф. Ванденберг [3], И. А. Богданов [4] и др.), но он также и персонаж ряда романов. В англо-американской литературной традиции из них выделяются два романа: роман американского автора Ирвинга Стоуна «Греческое сокровище», вышедший в 1975 г., и роман «Падение Трои» Питера Акройда, 2006 г. издания.

И. Стоун в американской литературе принадлежит важная роль одного из создателей жанра документального романа [5, с. 7], и роман «Греческое сокровище» вполне этому жанру соответствует [6]. Автор бережно обращается с автобиографическим материалом, но вместе с тем у романа есть оригинальный замысел. Роман не случайно получил такое название. Его заглавие не соотносится с богатствами археологических находок Шлимана. На первый план в нем выдвинут образ греческой жены археолога, Софьи Энгастроменос в девичестве. В первую

встречу со Шлиманом она семнадцатилетняя выпускница женской гимназии. И весь роман изображает Генриха Шлимана как своего рода Пигмалиона, который за два десятилетия совместной жизни смог сформировать в юной девушке не только преданную жену, мать двух детей, но и помощницу, соратницу, наделенную несомненными способностями и талантами, овладевшую рядом иностранных языков, способную подготовить научный доклад, материалы научного характера для прессы, продолжившую культурную и просветительскую работу в Греции и после смерти Шлимана. Добавим, что выбранный автором аспект в биографическом повествовании немало прибавляет к личности главного героя, весьма убедительно свидетельствуя о масштабе его личности и силе воздействия на окружающих. Заметная ценность романа – включение в его ткань ряда подлинных писем, которыми обменивались супруги. И. Стоун, надо заметить, был первым автором, которому родственники Г. Шлимана открыли доступ к семейному архиву и разрешили опубликование ряда материалов личного характера. Приведем лишь один пример из переписки супругов, письмо Шлимана к Софье, свидетельствующее о его любви, заботе и силе привязанности: «Моя самая прекрасная женушка! Как ты себя чувствуешь, мой маленький ангел, жизнь моя? Что ты там поделываешь? Как твой аппетит, как ты спишь? Поправляешься ли? Как поживает наша дочурка? Ей нужно быть на воздухе три часа – как минимум. Что делается в твоем саду? Надеюсь, что заключенным в тебе божественным духом ты вернула к жизни нашу бедную пальму. Живы ли голуби? Уверен, что от твоего сада нельзя отвести глаз.

Любовь моя, каждый день езди купаться в Пирей... Я хочу, чтобы ты быстрее поправилась. Напиши мне что-нибудь хорошее – тогда мне и солнце здесь посветит ярче» [6, с. 160]. В романе, прочитав письмо, Софья заказывает каюту на пароходе, чтобы скорее отправиться в Константинополь, что, в свою очередь, свидетельствует о ее сердечном отклике на письмо мужа.

И. Стоун, рассуждая о факторах, обеспечивающих успех документального романа, писал, что автору для успеха важно представить магистральный, доминантный мотив жизни героя, а также обнаружить и передать драматизм жизненного пути героя [5, с. 14]. Что касается Шлимана, то сама его личность и биография такой материал автору предлагала с избытком. Культ homerовских поэм и страстная вера в свою мечту, вдохновляющая на преодоление всех препятствий, выделяется в романе И. Стоуна в качестве лейтмотива жизненной истории героя. Драматизм повествования обеспечивается изображением тех обильных перипетий, главным образом препятствий, которые возникают на пути героев со стороны турецких властей, а также представителей академического научного мира, скептически относящихся к археологу-самоучке. На этом фоне ярче выступает незаурядность Шлимана, чья жизнь проходит в труде и упорной борьбе со своими оппонентами.

В качестве кульминации в повествовании романа можно выделить обнаружение клада, получившее у Шлимана наименование «Клада Приама», участие Софьи в обнаружении находки, тайный вывоз найденного клада из Турции и судебный процесс против Шлимана, который против него в связи с утаиванием находки вело турецкое правительство. Свое нарушение договоренности по ведению раскопок, согласно которой половину находок ученым должен был передавать турецким властям, Шлиман, однако, мотивировал желанием в научных целях сохранить единство находки: «Золото царя Приама неделимо» [6, с. 277]. Суд Шлиману удалось остановить только тогда, когда он отдает за него значительную часть своего состояния, свыше 400 000 долларов.

Сильная сторона романа – его психологизм, визуальность, с которой описаны рельефы местности, предметы находок, архитектурные артефакты, особенности повседневной культуры и семейных традиций, прежде всего в Греции. Хотя роман создан почти полвека назад, к нему сохраняется заметный читательский интерес, о чем свидетельствует обилие отзывов читателей на роман в Интернете. В примечаниях к роману находим также следующее сообщение о судьбе клада Приама: «Читатели, которые надеются увидеть сокровища Приама в Берлине, будут разочарованы. Они исчезли. Когда в конце Второй мировой войны советские войска подходили к Берлину, золото, хранившееся в Берлинском музее, было упаковано в четыре ящика и не то куда-то спрятано, не то зарыто. Сокровища как в воду канули. Существуют разные предположения, что случилось с кладом Приама: погиб во время бомбежки, был присвоен... украден. А может, лежит где-то в забытом тайнике. Не исключена возможность, что в один прекрасный день он все-таки найдется» [6, с. 443]. И. Стоуну не удалось дожить до сообщения о том, что ценнейшая часть «клада Приама» сохранилась и находится в настоящее время в России.

Автор второго романа, «Падение Трои» [7], Питер Акройд так же, как и Стоун, начинает повествование со сватовства Шлимана к Софье и уделяет ее образу большое место в романе, представляя героиню в развитии и духовном росте. Шлиман (в романе он выведен под именем Генриха Оберманна), как и в первом романе, представлен страстным поклонником и знатоком Гомера, знающим поэмы наизусть, талантливым лингвистом, упорным тружеником на раскопках. Но роман создан в жанре альтернативной биографии, и он не случайно назван «Падение Трои». Если в первом романе образ героя не лишен отдельных слабостей и недостатков (честолюбие, самообольщение героя), но они не разрушают цельности его характера и не ставят под сомнение достоинства личности героя, то второй роман не случайно назван «Падение Трои». Автор развивает свою нарративную стратегию в духе «деконструкции». Так, он стремится разрушить легендарный образ не только города, воспетого Гомером, но и главного героя, почитателя Гомера и Трои. Осуществляет Акройд свою стратегию за счет целого ряда мотивов и символических деталей, выполняющих снижающий эффект. При этом авторская концепция включает намерение не столько развенчать конкретную историческую личность, сколько внушить читателю сомнение вообще в возможности иметь сколько-нибудь достоверные исторические знания.

В романе П. Акройда основное действие разворачивается во время раскопок в Трое, которые ведутся в 1871–1873 гг. под руководством археолога Генриха Оберманна. Хотя автор сохраняет лишь часть имени Шлимана, сведущий читатель легко догадывается о реальном прототипе, который стоит за именем Оберманна. Однако одновременно в традиции жанра «альтернативной биографии» Акройд вводит в историю героя немало вымысла: так, неподалеку от Трои в одном из селений проживает психически больная первая жена Шлимана, что он тщательно скрывает; помощник Шлимана на раскопках, которого он зовет Телемаком, оказывается старшим сыном от первого брака; узнавшая о существовании первой жены Софья совершает побег от Оберманна с англичанином Торнтоном; преследующий беглянку в надежде ее вернуть Оберманн в конце романа гибнет под копытами лошади и др. Введение подобных фактов и событий не только вносит определенный «детективный элемент» в поэтику романа, но и существенно преображает облик исторического лица, существенно его усложняя.

С одной стороны, сохраняется незаурядность личности героя, в лице которого автор создает тип героя-визионера. Заметим, что данное автором герою имя

с немецкого означает «главный, великий человек». В романе он часто действует по наитию, и плоды находок доказывают его правоту и прозорливость. У Оберманна при этом свое представление об археологии. Вспоминая о своих первоначальных раскопках на Итаке, герой не без известного самодовольства рассуждает: «Я стал археологом, когда решил найти дворец Одиссея. И, оказавшись на Итаке, нашел. Я поднялся на гору Аэтос и начал копать. Вот она, археология. Интуиция!» [7, с. 58] Находясь на земле Трои, Оберманн постоянно мифологизирует ландшафт, наделяя его гомеровскими образами. К примеру, поднявшись со своими спутниками на вершину горы Иды, где некогда Парис пас стада и ему явились три богини, Оберманн обращается к своим спутникам со следующими словами: «Здешние деревья давали древесину для корабля Париса, когда тот готовился украсть Елену. Но на этой же горе греки нашли дерево, чтобы соорудить огромного коня! Видите, как земля формировала судьбу Трои? Отсюда боги наблюдали за битвой. Это здесь Анхизом и Афродитой был зачат Эней. Вот почему я привел вас сюда» [7, с. 225]. При этом Оберманн нередко не только мифологизирует ландшафт, но и предпринимает определенные действия с целью реактуализации мифа: так, находясь на Иде, он предлагает Софье выбрать из трех мужчин одного, подобно тому, как Парис выбирал одну из трех богинь; Торntonу он предлагает совершить «конкурентный пробег» вокруг Трои, воскрешая тем самым ситуацию победного бега Ахилла, преследующего Гектора, и т. д. Окружающие при этом сталкиваются с неоднократным свидетельством ряда деталей и знамений, сигнализирующих о таинственных связях Генриха с этой землей и с богами, этой земле покровительствующими. Так, во время пребывания на Иде профессора Хардинга поразила следующая сцена у священных трех ив, которых местные жители почитали как владычиц горы: «К изумлению Хардинга, Оберманн встал перед ивами на колени, склонив голову в молитве. Хардинг чувствовал, что не должен поощрять этот акт поклонения, подошел к краю поляны и стал всматриваться в деревья. И вдруг отпрянул. Ему показалось, что он заметил движение в листве» [7, с. 226]. Еще более эффектна сцена появления на глазах у всех в небе орла, упавшего на землю за змеей и потом взмывшего со своей добычей в небо, истолкованная всеми как знамение Оберманну, добрый, победный знак, обещающий очередную удачу на раскопках. И действительно, в тот же день была открыта маленькая комната со скелетом сидящей женщины, которую Оберманн назвал Эвриkleей. Однако особенно знаменателен гром с неба, который раздался во время погребального сожжения Оберманна на берегу Скамандра.

Между тем первоначально выглядящее победным пребывание Оберманна на земле Трои не сразу, но постепенно, по мере развития повествования в романе, все больше осложняется ситуациями компрометирующего характера. Так, традиционное утреннее купание в море, во время которого Оберманн, как правило, демонстрировал молодой жене свое физическое здоровье, однажды вдруг оборачивается для героя приступом судороги, и он остается жив лишь благодаря Софье, призвавшей на помощь находящихся поблизости рыбаков. Вскоре Софья становится очевидицей бесчестного обращения мужа с находками, недопустимого для ученого: «Оберманн однажды застал турецкого рабочего-поденщика за тем, что тот подделывал узор на блюде, нанося солнечный диск с лучами, но был так доволен “дополнением”, что включил блюдо в каталог. София ужаснулась двойному жульничеству, но муж расхохотался» [7, с. 62]. Далее Софье открывается ложь Оберманна, представлявшегося ей вдовцом. Наконец, Оберманн

устраивает пожар, чтобы уничтожить находки, компрометирующие прошлое Трои и свидетельствующие, что когда-то ее жители были каннибалами, ибо он не может пережить такого посрамления города, который он считает священным, а себя – воскресителем его славы.

Последнее деяние невинным проступком уже назвать нельзя, и героя настигает наказание. В отместку за ложь Софья, которую Оберманн, гордясь ее молодостью и красотой, нередко уподоблял Елене Троянской, поступит подобно мифологическому прообразу: бежит от своего мужа с новым избранником. Пытаяющийся вернуть Софью Оберманн гибнет под копытами лошади, что, в свою очередь, содержит мифологическую аллюзию на «тroyянского коня».

В то же время намеченное автором падение репутации как города, так и героя в финале романа вдруг «дает сбой». Это находит свое выражение в том, что окружавшие Оберманна люди после его внезапной смерти вдруг почувствовали, как оскудела их жизнь: «...он понимал душу Трои. Ее жизнь. Он передавал нам ее магию» [7, с. 300]. Лучше всего тоску по утраченной магии места, которую олицетворял прежде отец, выражает в finale романа Леонид-Телемак:

– Не могу представить, как теперь жить здесь. В присутствии отца каждый камень был благословенным, а каждое дерево казалось пристанищем бога. Сейчас я вижу все таким, как есть на самом деле.

– Значит, ты верил в его историю?

– Конечно. В них была истина воображения. Каков мир без воображения? Что ж, теперь мне предстоит это выяснить» [7, с. 300].

Чувство оскудения жизни внезапно неожиданно для себя ощутила и Софья: «Она собиралась оставить мужа, но эта внезапная разлука повергла ее в глубочайшую скорбь. Без Оберманна она ощутила свою незначительность. Она вернулась в обычный мир, в котором не было людей, подобных ему. Все кругом стало меньше и словно выцвело. Ей уже никогда не почувствовать себя такой живой, такой восторженной» [7, с. 296].

Финал романа таким образом усложняет фигуру героя, придает ей двойственность, лишает ее однозначного звучания и, безусловно, возвращает герою его значимость. Неслучайно Оберманна сжигают на погребальном костре, подобно древним гомеровским героям, и боги в момент церемонии посыпают ему своего рода отклик: «Со стороны горы Иды донесся раскат грома» [7, с. 301].

У П. Акройда, как писателя постмодернистского толка, повествовательная стратегия таким образом демонстрирует подвижность и игру с читателем, которому самому предстоит решить, произошло ли падение Трои и падение героя или же репутация обоих устояла при всех обстоятельствах представленной в романе истории. С определенностью можно лишь утверждать, что подобным финалом своего романа автор со всей очевидностью утвердил ценность мифологического восприятия и выразил тоску по мифу, характерную для сознания современного человека. То, что для автора этот мотив крайне важен и соответствует его мировосприятию, свидетельствует еще один роман П. Акройда с античной тематикой, «Повесть о Платоне» [8], в котором ценности мифологического сознания утверждаются автором еще более явно и решительно [9].

Генрих Шлиман стал также героем одного из романов современного отечественного автора Е. Водолазкина «Чагин» [10]. По итогам 2023 г. этот роман получил одну из главных литературных премий России «Большая книга». Роман Водолазкина отличается полижанровой структурой, включающей жанровые элементы писем, дневника, путешествия, стихотворные фрагменты поэмы и др., а также

своеобразной системой персонажей, организованных в компаративные ряды. При этом Генрих Шлиман в романе не является главным и действующим персонажем, но это тот, в кого постоянно вглядывается главный герой Исидор Чагин, мнемонист, человек, наделенный незаурядной способностью запоминать тексты, цифры, фигурные изображения. Особые способности отчетливо проявились у героя в годы его учебы на философском факультете Петербургского университета. И тогда же нашлись лица, которые решили использовать этот дар человека в своих интересах. От кураторов соответствующих органов Чагин получает поручение внедриться в Шлимановский кружок. В связи с полученным заданием и начинает герой подробно вникать в биографию Шлимана и очень скоро ощущать родство с этой исторической личностью. В частности, у Шлимана, как и у него, было трудное детство, ранние испытания, Шлиман, как и Чагин, испытал детскую любовь, которой был верен многие годы, они оба увлекались иностранными языками. В связи с успехами Шлимана в их освоении Чагин подозревал в Шлимане, в свою очередь, мнемониста. Наконец, оба имели склонность к писательству автобиографического характера. Чагин многие годы ведет дневник, в последние годы жизни создает автобиографическую поэму «Одиссея», в которой образ Шлимана также найдет свое отражение. Есть в поэме, к примеру, строчки, где говорится о любви Шлимана к подруге детства Минне:

В детские годы встречает Генрих прекрасную
Минну.
Охвачены чистой любовью, клянутся связать
они судьбы,
Лет совершенных достигнув. Но Генрих уедет
в Россию.
Но Минна его не дождется. Но вместе их
не похоронят [10, с. 348]

В то же время в ходе дискуссий в кружке Шлимана нередко обвиняли во лжи, в его книгах находили много несоответствий, поскольку «Шлиман не любил рассказывать одно и то же одинаково» [10, с. 95]. Однако, опираясь на опыт своей памяти, Чагин смотрит на это обстоятельство своеобразно. В его глазах Шлиман не был лжив, он просто обладал живым воображением, и плоды воображения в его сознании воспринимались как должное, происшедшее: «То же неразличение фантазии случалось у Чагина, и не только во сне. Являвшееся Чагину в воображении оказывалось ярче и убедительнее реальности существующей» [10, с. 103]. В другом месте автор уже устами другого персонажа прямо заявляет: «Фантастика – это тоже реальность. Реальность человеческого духа, а значит, и полнокровная часть опыта» [10, с. 236].

Показательна и дискуссия, развернувшаяся в Шлимановском кружке вокруг личностей Шлимана и Дефо. Оба обозначены как «выдумщики». Но Шлиман в итоге дискуссии оценен как романтик, одержимый высокой и общезначимой целью, а Дефо принжен как политический провокатор, беспринципный политикан, озабоченный корыстными интересами. И все же дискутирующие в итоге сошлись на том, что многое, в том числе и в Дефо, оправдывает вымысел, творческий дар автора: «Все лучшее, что было в Дефо, он поместил в свой роман» [10, с. 109].

В Шлимановском кружке обсуждались не только дела и лица минувших дней. Как постепенно открывается Чагину, здесь обсуждаются тексты эмигрантской поэзии

Серебряного века, сокрытые официальной прессой факты и трагические события, например, расстрел протестующих рабочих в 1962 г. в Новочеркасске. Чагин пытается скрыть от кураторов это обстоятельство, но он не единственный осведомитель, внедренный в кружок. Кураторам и так все известно, но нужные точные детали и полную картину способен сообщить лишь Чагин-мнемонист. И Чагин в конечном счете уступает этим требованиям. «Можно очень незаметно стать предателем», – записывает после случившегося в своем дневнике Чагин [10, с. 107]. Вместе с тем он признается в своей вине любимой девушке Вере Мельниковой и теряет ее, признается в доносительстве руководителю кружка Вельскому, которого арестовывают, и тот не прощает его.

Между тем, вся последующая история героя, изложенная в романе, – это история его покаяния и стремления искупить вину, история человека в высшей степени благородного, который имел право впоследствии рассуждать в своем дневнике следующим образом: «Есть ведь случайные поступки? События, которые душе, ну, что ли, не соответствуют? И тогда душа просит иных событий. И начинает вспоминать то, чего с ней никогда не было» [10, с. 320].

Показательно, что автобиографическая поэма, которую Чагин сочиняет в конце жизни, не содержит рассказа о предательстве, позорном происшествии молодых лет героя. Что же касается дневника Чагина, отражающего достоверный ход событий, то после смерти Чагина он будет сожжен. Правда таким образом будет признана за поэмой, отражающей более зрелый опыт героя.

Что же касается фигуры Шлимана, то она еще раз возникает, когда Чагину как архивисту поручают заняться перепиской двух Генрихов, Генриха фон Краузе, профессора Петербургского университета, и Генриха Шлимана, искателя Трои. Эта переписка – история дружбы-соперничества. Профессор убеждал Шлимана, что нельзя искать Трою по Гомеру, но Шлиман в итоге не послушал его, поехал в Турцию и нашел Трою. В академическом мире называли Шлимана высокочкой, дилетантом и выдумщиком. Но он, как замечает уже повествователь-автор, «был дан им для смиренния» [10, с. 333]. Сам же Чагин, детально изучивший полемику между Генрихами, опираясь на жизненный опыт Шлимана, делает вывод о фантазии как жизни в ее идеальном проявлении [10, с. 313].

Пафос романа Водолазкина состоит в призывае оценивать человека в том числе по его вымыслу, то есть его помыслам, мечтам, устремлениям, важно лишь, чтобы в них был «возвышающий обман». Жизнь человека коротка, она может и не предоставить возможность воплотить помыслы в реальность, но ментальная жизнь человека не менее значимая мера и реальность его духовной жизни.

Шлиман представлен в романе как человек, осуществивший мечту, которой был верен до одержимости. Но и главному герою в романе достается своя награда. Ему возвращает прощение и любовь Вера Мельникова, которую он потерял и о которой он так мечтал, герои познают свой краткий период счастья на склоне лет. А после смерти возлюбленной герой отправится в долгожданную Тотьму (для него своего рода Трою) и здесь напишет свою поэму «Одиссея» о странствовании своей жизни. Чагин к концу своей жизни сумел заслужить признание и уважение многих людей. Примечателен, на наш взгляд, эпизод, описывающий смерть героя романа. Однажды он был обокрашен и избит местным бродягой и хулиганом, которого сам впоследствии простит и даже одарит своей дружбой. Когда же тот случайно обнаружит Чагина на дороге с сердечным приступом, то с ним на руках будет бежать километры в надежде Чагина спасти. Заметим в итоге, что отсвет благородной души Чагина найдет отражение не только

в душе этого персонажа, но и в том числе многих других героев романа, в частности, молодых героев, Павла и Ники, которым на примере приобщения к судьбе Чагина открываются многие истинные ценности жизни, ставшие залогом их возможного счастья.

Таким образом, в трех романах мы сталкиваемся с тремя разными подходами к интерпретации образа Шлимана, обусловленными спецификой жанра и творческими интенциями авторов. В романе И. Стоуна история жизни Шлимана представлена со стремлением к сохранению основных фактов и событий, и в то же время «Греческое сокровище» предлагает романтизированное жизнеописание героя как воплощение человека, одержимого служением своей мечте и достигшего ее осуществления за счет героического преодоления всех тягот и препятствий. П. Акройд со своей стороны осуществляет постмодернистское переосмысление исторической личности, выражая тем самым не только скепсис в отношении существования безупречной человеческой природы, но и в целом перспективы установления настоящей истины относительно давно протекшей жизни. Роман Е. Водолазкина может быть оценен как своего рода метароман с философским звучанием, трактующий Г. Шлимана как культурный образ, позволяющий поставить проблему памяти и воображения и на его примере утверждать право личности на автомиф как плод своих духовных исканий и творческое самовыражение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шлиман Г. Золото Трои. Автобиография / пер. с нем. А. Петросян. М.: Эксмо, 2019. 448 с.
2. Штол Г. Генрих Шлиман: Мечта о Трое / сокр. пер. с нем. А. Попова и А. Штекли. М.: Молодая Гвардия, 1991. 432 с.
3. Ванденберг Ф. Золото Шлимана / пер. с нем. Е. П. Лесниковой, А. П. Уткина, В. В. Ток, Л. И. Некрасовой; под ред. М. В. Ливановой. Смоленск: Русич, 1996. 592 с.
4. Богданов И. А. Генрих Шлиман. Торжество мифа. М.: АСТ: Олимп, 2008. 351 с.
5. Комаровская Т. Е. Творчество Ирвинга Стоуна. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1983.
6. Стоун И. Греческое сокровище / пер. с англ. В. Харитонова и М. Литвиновой. М.: Прогресс, 1979. 462 с.
7. Акройд П. Падение Трои / пер. В. Кулагиной-Ярцевой. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2012. 301 с.
8. Акройд П. Повесть о Платоне / пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Астрель: CORPUS, 2010. 224 с.
9. Никола М. И. «Античные романы» Питера Акройда // Никола М. И. Античная традиция в русской и зарубежной литературе. М.: Прометей, 2022. С. 97–98.
10. Водолазкин Е. Чагин. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. 378 с.

REFERENCES

1. Schliemann H. *Zoloto Troi. Avtobiografija*. Transl. from German by A. Petrosyan. Moscow: Eksmo, 2019. 448 p. (In Russian)
2. Stoll H. *Genrikh Shliman: Mechta o Troye*. Abridged transl. from German by A. Popov & A. Shtekli. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1991. 432 p. (In Russian)
3. Vandenberg Ph. *Zoloto Shlimana*. Transl. from German by E. P. Lesnikova, A. P. Utkin, V. V. Tok, L. I. Nekrasova. Ed. by M. V. Livanova. Smolensk: Rusich, 1996. 592 p. (In Russian)
4. Bogdanov I. A. *Genrikh Shliman. Torzhestvo mifa*. Moscow: AST: Olimp, 2008. 351 p.
5. Komarovskaya T. E. *Tvorchestvo Irvinga Stouna*. Minsk: Izd-vo BGU im. V. I. Lenina, 1983.
6. Stone I. *Grecheskoye sokrovishche*. Transl. from English by V. Kharitonov & M. Litvinova. Moscow: Progress, 1979. 462 p. (In Russian)

7. Ackroyd P. *Padenie Troi*. Transl. by V. Kulagina-Yartseva. Moscow: Izd-vo Olgi Morozovoy, 2012. 301 p. (In Russian)
 8. Ackroyd P. *Povest o Platone*. Transl. from English by L. Motyleva. Moscow: Astrel: CORPUS, 2010. 224 p. (In Russian)
 9. Nikola M. I. "Antichnyie romany" Pitera Akroida. In: Nikola M. I. *Antichnaya traditsiya v russkoj i zarubezhnoj literature*. Moscow: Prometey. Pp. 97–98.
 10. Vodolazkin E. *Chagin*. Moscow: AST: Redaktsiya Yeleny Shubinoy, 2023. 378 p.
-

Никола Марина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: nikola7352@mail.ru

Nikola Marina I., ScD in Philology, Full Professor, Head, World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: nikola7352@mail.ru

Кузнецова Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: an_kuznetsova@mail.ru

Kuznetsova Anna I., PhD in Philology, Assistant Professor, World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: an_kuznetsova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.07.2025

The article was received on 10.07.2025